

Владимир
Санников
Записки
простодушного
Жизнь в Москве

Владимир Санников

**Записки простодушного.
Жизнь в Москве**

«Языки Славянской Культуры»

2018

УДК 82/821
ББК 84-4

Санников В. З.

Записки простодушного. Жизнь в Москве / В. З. Санников —
«Языки Славянской Культуры», 2018

ISBN 978-5-94457-341-4

Данная книга – воспоминания автора о жизни в Москве с 1955 г. Живо и с юмором описывается научная и общественная жизнь Институты Академии наук в «период оттепели», их «золотой век», сменившийся периодом «смуты» в 60-70-х, изгнание из Академии по политическим мотивам автора, его товарищей и коллег. Описывается путь автора в науке, приводятся материалы из его книг, посвящённых языковой шутке, и наблюдения над способами создания каламбура и других видов комического. Записки по содержанию – очень пёстрые. «Тайны лингвистического двора» перемежаются с описаниями зарубежных поездок, походов по Подмоскovie, дружеских застолий с шутками и анекдотами; замечания о науке, литературе, судьбах России – с описаниями семейного быта, детского лепета, а весёлые, комические сценки сменяются событиями поистине драматическими. Но... такова сама жизнь. В Приложении даётся ранее не публиковавшийся рассказ автора о Гражданской войне – «Записки красного командира».

УДК 82/821

ББК 84-4

ISBN 978-5-94457-341-4

© Санников В. З., 2018

© Языки Славянской Культуры, 2018

Содержание

Предисловие	6
Аспирантура	7
Институты – языкознания и русского языка	9
Сектор сравнительно-исторического изучения восточнославянских языков	12
Спорт	15
О нашей работе	16
Работа в Совете министров СССР	17
Письма трудящихся	18
Что читали и смотрели?	19
Моя библиотека	25
Я, мои друзья, мои враги, мои друзья-враги	26
Походы по Подмосковию	32
Мы – колхозники	36
Я – геолог	39
О вопросах мироздания, эволюции, религии	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Владимир Санников
Записки простодушного Жизнь в Москве

Моим милым детям – Ольге и Андрею

Предисловие

Первые части моих воспоминаний («Картинки моего детства»; «Юность. Несколько мгновений счастья») были опубликованы в 2001–2003 гг. в журнале «Москва», а затем вышли отдельной книжкой («Записки простодушного». М., 2003).

Несмотря на положительную оценку читателями моих мемуаров, я многие годы не мог вернуться к их продолжению. Наверно потому, что некоторые воспоминания московского периода моей жизни причиняли острую боль. С годами она притупилась, и я, по настоянию моих детей, Ольги и Андрея, решил вернуться к своим мемуарам. Надеюсь, что они тоже небезынтересны, в частности, события 60–70 гг., когда в Москве, в стенах небольшого здания на Волхонке, рядом с Гоголевским бульваром тоже – «были схватки боевые» и, помню я, ещё какие!

Я старался строго придерживаться правды. *«Старому врать, что богатому воровать».*

Скажу ещё, что без советов и помощи моих детей ни первая часть моих воспоминаний – «Записки простодушного», ни предлагаемое вашему вниманию их продолжение не были бы написаны.

Бесконечно признателен им, жене Светлане Кузьминой, а также коллегам и друзьям, ознакомившимся с работой или её частями и сделавшим много ценных замечаний. Это Ю. Д. Апресян, Л. П. Крысин, М. Я. Гловинская, Л. М. Иорданская, Ирина и Александр Лазурские и многие другие.

Записки мои по содержанию очень пёстрые. Лингвистика и «тайны лингвистического двора» перемежаются с описаниями зарубежных поездок, командировок, поездок в колхозы, походов по Подмоскovie, дружеских застолий; научные доклады – с детским лепетом, а весёлые, комические сценки сменяются событиями поистине драматическими. Но ведь такова сама жизнь, особенно долгая! Я разделил текст на небольшие разделы, и читатель всегда может пропустить то, что ему неинтересно.

* * *

Аспирантура

Два слова о моих корнях (подробно я писал об этом в первой части воспоминаний).

Были в Еловском уезде Пермской губернии две деревни. В одной (Пески) жили старообрядцы, в другой (Мартьяново) – «мирские», никониане. Всего два километра отделяют деревни, а кажется, что между ними – каменная стена: даже заходить в чужую деревню избегали. И вот старовер, мой отец – Зиновий Санников, встретил «мирскую» девку – Ефросинью Логунову, и они, жители враждующих деревень, полюбили друг друга (Ромео и Джульетта!). Поженились, несмотря на сопротивление родных, а потом сбежали от коллективизации в ближайший город – Воткинск. Там в 1931 г. и родился я, первенец. Отец устроился на работу водовозом. Развозя по учреждениям воду в зимние морозы на обледеневшей бочке, простудился, заболел туберкулёзом и умер в 29 лет, оставив четверых малых детей. А через год – война и трудные послевоенные годы. И мама сумела в тяжелейших условиях вырастить нас и дать образование! Я, старший, окончил в 1955-м историко-филологический факультет Пермского (Молотовского) университета. При распределении я, как обладатель диплома с отличием, мог занять неплохое место, но закрепил за собой окружённое озёрами и болотами село Пянтег на севере Коми-Пермяцкого округа, – поскольку кафедра русского языка дала мне рекомендацию в аспирантуру, и я надеялся поступить в аспирантуру Института языкознания Академии наук в Москве.

И вот я в Москве, где прожил всю оставшуюся жизнь.

Конец московской улицы Волхонка имеет богатую историю. Сначала тут размещался Алексеевский женский монастырь, переведённый позднее в Красное Село, затем на его месте воздвигнут в 1839–1859 храм Христа Спасителя. В 1931-м он был снесён большевиками. Разбор храма продолжался вместо 10 дней, отведённых на это властями, несколько месяцев и всё-таки полностью не удался. Храм сопротивлялся, хотел жить, но для большевиков невозможного нет: 5-го декабря храм взорвали. От мощного взрыва тряслась земля в нескольких московских кварталах, а упрямый храм устоял. Пришлось делать второй взрыв. Сносили храм несколько месяцев, а строили – 20 лет, не считая скульптурной работы и росписи, занявших ещё 7 лет!

На месте храма начали строить величественный Дворец Советов – «стройку века», но война прервала строительство, и долгие годы там был вместо величественного дворца огороженный забором величественный пустырь. В 1960–1994-м на этом месте – плавательный бассейн «Москва». А затем – воскресение храма Христа Спасителя и его освящение 19 августа 2000 г. – событие знаменательное, своего рода знак покаяния – покаяния за тысячи снесённых православных церквей.

Это моё отступление может удивить: при чём тут моя аспирантура? А дело в том, что прямо на противоположной стороне Волхонки стояло, стоит (и, надеюсь, будет стоять) пережившее все эти бури небольшое скромное здание, подобное скромной гимназистке (да это и была попервоначально женская гимназия). Вот к этому-то зданию, ставшему зданием Института языкознания АН (Академии наук) СССР, подошёл я, робкий провинциал, в начале сентября 1955-го.

Хорошо помню вступительные экзамены и подготовку к ним. Вот я готовлюсь к экзаменам, сидя за столиком в конференц-зале Института, а в противоположном конце зала за столом горячо обсуждают какие-то проблемы трое учёных. Среди них по фотографии узнаю «самого Реформатского», того, который написал замечательное «Введение в языкознание»!

Признаюсь, Александр Александрович меня при первом знакомстве разочаровал: замечательный учёный и – какие-то шуточки! Вот он, задорно поплёскивая глазами, явно рассчитывая и на случайных людей, которые толклись в зале, читает стихи молодого поэта-солдата:

*Есть в иштанах у солдата заветное место,
Это место дороже солдату всего.
Это место – карман, и в нём фото невесты,
Что с победой домой ожидает его.*

Вспоминается также казус, связанный со вступительными экзаменами. На экзамене по русскому языку я, говоря о сложном предложении, в том числе о теории Н. С. Пospelова, произнёс громкую фразу: «Но мне кажется, что профессор Пospelов вместе с водой выплёскивает из ванны и ребёнка». И тут Реформатский (председатель комиссии) указал мне на маленького, скромного человека: «Познакомьтесь – профессор Николай Семёнович Пospelов». Я страшно смутился, но, к счастью, это было уже в конце экзамена.

Кроме меня успешно сдала приёмные экзамены в аспирантуру моя сокурсница Лия Андреева. В октябрьском номере (1955 г.) институтской стенгазеты «Русист» отмечалось, что при конкурсе 12 человек на место в аспирантуру поступили два выпускника Молотовского (Пермского) университета, и подчёркивалось, что этот университет даёт студентам отличную филологическую подготовку.

В небольшом здании Института языкознания на Волхонке – интернационал. Как у Пушкина в «Братьях-разбойниках»:

*За Волгой, ночью, вкруг огней
Удалых шайка собиралась.
Какая смесь одежд и лиц,
Племян, наречий, состояний!*

Сравнение академического института с шайкой разбойников выглядит кощунственным, но – посудите сами: у нас тут и смесь племян, наречий (кавказцы, угро-финны, турки, русские...), и смесь научных интересов (специалисты по романским, германским, славянским языкам). Жили дружно, не было ни одной стычки на национальной почве. Особенно дружен я был с чувашем Сашей Феоктистовым и с двумя узбеками – Шамси Шакуровым и Борисом Джураевым. Первого (Шамси) безобидно, в шутку называли дехканином, второго – баем (возможно, потому, что он был из более состоятельной семьи). Я жил с ними в одной комнате в аспирантском общежитии. Помню, одна моя знакомая принесла в общежитие и подарила мне – черепаху (!). Может, подражала Аглае Епанчиной, подарившей князю Мышкину ежа. Меня подарок несколько озадачил, а у моих товарищей вызвал отвращение: в Узбекистане черепаха считается нечистым животным. Мы не раз сидели с Шамси и Борисом в ресторане «Узбекистан». На мои советы жениться на русских девушках и остаться в Москве они отвечали: «Нет, они смелые очень!».

«Лингвистический интернационал» прекратил своё существование в 1958 г., когда из Института языкознания выделился Институт русского языка (ИРЯЗ).

Я поступил в аспирантуру в 1955-м, уже после смерти Сталина, но следы сталинских порядков ощущались даже в этом тихом академическом институте. Выбранный секретарём комсомольской организации Института, я знакомился с делами организации и наткнулся на персональное дело сотрудницы Института Г. А. Золотовой. В начале войны она девчонкой поступила на военный завод, скрыв, что она – дочь кулака. «Почему Вы это сделали?» – «Я хотела служить народу в годы войны. Кто бы иначе меня на военный завод принял?». Комсомольское собрание сурово её осудило. Сохранился текст гневного выступления В. П. Даниленко: «Если человек способен солгать с благими намерениями, он способен солгать и с дурными».

Институты – языкознания и русского языка

По окончании аспирантуры я – младший научный сотрудник, учёный секретарь Сектора восточнославянских языков Института языкознания (ИЯЗ) Академии наук СССР. У нас новоселье – переезжаем с Волхонки на первый этаж здания в Китайском проезде. Рядом, на том же этаже – беспокойные соседи – отделение почты. Со временем сектор возвращают на Волхонку, но там уже другой институт – русского языка (ИРЯЗ). За давностью лет мне уже трудно следить за этой чехардой и указывать точно место тех или иных событий. Да это, думаю, не так уж и важно.

Какая приятная, деловая и дружеская атмосфера была до «брежневских холодов» в обоих институтах – их «золотой век»! В коридоре и на заседаниях встречаешь В. В. Виноградова, П. С. Кузнецова, Р. И. Аванесова, А. А. Реформатского, М. В. Панова и других учёных, знакомых мне, провинциалу, только по учебникам. И к любому можешь обратиться за помощью и советом.

После выделения Института русского языка в 1958-м его директором стал замечательный учёный Виктор Владимирович Виноградов, автор книги «Русский язык. Грамматическое учение о слове», получившей в 1951 г. Государственную премию. В своё время Виноградов был сослан в Вятку (Киров), потом в Тобольск. Вернувшись в Москву, стал крупнейшим организатором нашей филологической науки: в 1950–1963 – академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР, в 1950–1954 – директор Института языкознания, в 1958–1968 – директор Института русского языка АН СССР.

Виктор Владимирович был душой и совестью русистики, основателем Виноградовской школы, руководителем коллектива учёных, создавших первую академическую «Граматику русского языка» (1952–1954 гг.)

Помню, сидит он на заседании учёного совета в своей любимой позе, уперев в щёку указательный палец с большим агатом (любил красивые вещи, старинную мебель). Казалось бы, довольно безучастный, чуть ли не спит. Большой насмешник Реформатский говорил: «Слушает Виноградов какой-нибудь доклад о значении такого-то падежа в творчестве такого-то писателя, а на лице выражение: «Ну что, всё можно. Можно о таком-то падеже у такого-то писателя рассуждать, можно шарики из говна катать». Но вот кончается доклад, и Виктор Владимирович делает очень глубокие замечания.

Запомнился 70-летний юбилей В. В. Виноградова. Отмечался он на широкую ногу, в Доме учёных на Пречистенке. Был приглашён цыганский хор (пели: «Витя, Витя, Витя, Витя, пей до дна!»). Иван Козловский, с бокалом в руке, пел про «влагу, пенящуюся в бокалах». Но ещё перед началом торжества меня и ещё одного аспиранта, членов комиссии по проведению торжества, предупредили, что эта *влага в бокалах* должна быть не водой, а настоящим шампанским. А у нас с ним совсем нет денег! Выручил зам. директора Института И. Ф. Протченко, который финансировал это мероприятие. Но – мои злключения на этом не кончились. Когда мы выносили на сцену и ставили перед юбиляром громадную, тяжеленную корзину цветов, я почувствовал, что мои старые, ещё студенческих времён, брюки лопнули сзади, там, где «спина теряет своё благородное название»! Пятясь задом (*Подхалим!* – вероятно подумали некоторые зрители), я скрылся за кулисами.

В Институте царила атмосфера дружеского подшучивания. Помню шуточные переделки фамилий сотрудников-лингвистов: Добродомов – *Злоизбушкин*, Шеворошкин – *Заварушкин*, Долгопольский – *Долгоплотский*, Бромлей – *Бармалей* и т. д. Крайне критичную сотрудницу Людмилу Леонардовну переименовали (кажется, тот же Реформатский) в *Людмилу Леонардовну*.

Рассеянность учёных стала притчей во языцех. Профессор Каблуков явился в университет в разноцветных туфлях – чёрном и коричневом. Коллеги посоветовали ему сходить домой (благо это недалеко) и переобуться. Скоро профессор вернулся, озадаченный: «Там есть другие туфли, но они тоже разноцветные!»

А я помню, как замечательный учёный-диалектолог Рубен Иванович Аванесов, заведующий сектором, пытается внести свой вклад в общее наше чаепитие: «Вот тут жена дала мне какую-то еду». И кладёт на стол дурно пахнущий пакет: он перепутал пакеты и выбросил в помойку пакет с едой, а нас угощает объедками.

А праздничные вечера, самодеятельность! Профессор В. И. Борковский хорошо поставленным баритоном поёт: «В 12 часов по ночам из гроба встанёт барабанищик...». Вера Коннова и Саша Полторацкий отплясывали канкан и Саша в конце лихо запустил в потолок соломенное канотье. А капустастики! Помню, Игорь Добродомов (Злоизбушкин) выходит на сцену с портфелем и с веником подмышкой, усиленно окает, играя роль молодого провинциала из Крыжополя. А вот капустастик на злободневную тему. Хитрая лиса уносит в корзинке двух доверчивых зайчат – отклик на переход молодых сотрудников Лопатина и Улуханова из сектора истории языка в сектор современного языка Н. Ю. Шведовой. Мне тоже предлагали перейти в этот сектор, но я отказался. И напрасно: работал бы над академической «Грамматикой современного русского литературного языка» (вышла в 1970 г.). Всё равно ведь со временем я перешёл от истории языка к исследованию его современного состояния.

Рассказывали мне об одном остроумном капустастике (к сожалению, я его не видел). Там профессор-фольклорист читает лекцию о частушке:

«Частушка – это такой жанг устного нагодного твогчества, где две пегвых стгоки по содегжанию не связаны зачастую с содегжанием двух последних. На-пги-мег:

*У мово милёнка в жопе
Поломалась клизма.
Пгизгак бродит по Евгопе,
Пгизгак коммунизма».*

Далее профессор, безбожно грассируя, объясняет, что частушка присуща не только русскому народу. Приводит старую чукотскую частушку:

*Медведя́ убили мы,
Эх, не поделили мы.
Приходил делить шаман,
Лучший кус ему в карман.*

Но пришли новые времена, и обездоленный чукотский народ запел новые песни. Показательный пример – частушка, которую профессору посчастливилось записать в экспедиции на Чукотку:

*Ночью тёмною окрест
К нам в ярангу вор залез.
Хорошо, что он залез
Не в родное МТС.*

«Беда пришла в ярангу бедного труженика, он ограблен, обездолен. Но он «гад. Гад, что не постгадало общее достояние» – то, что он трогательно, пусть не совсем грамматически пра-

вильно, называет «*годное МТС*» – вместо *родная МТС* (машинно-тракторная станция). Общее он уже ценит больше частного».

Устраивалось очень скромное, но весёлое чаепитие. В кулинарии ресторана «Прага» закупами громадное количество слоёных пирожков с капустой. Женщины готовили «вкусня-тину», представляли на конкурс торты с шутливыми названиями – «*Каприз научного работ-ника*» и т. д. Потом песни, танцы (в Институте было тогда много молодёжи).

А в конце вечера мы обычно уходили «тесной компанией» в наш сектор. Чай, иногда вино, шутки, стихи. Оля Смирнова пела романсы, Галя Романова читала стихи Брюсова (*Доро-гие черты, искажённые в страстной гримасе... Вы солгали, туманные ночи в июне!..*), я читал покорившие меня стихи Гумилёва – «Капитаны» (*чья не пылью затерянных хартий – солью моря пропитана грудь*), даже стихи, казалось бы, совсем не под праздничное настроение, например, «Вечер»:

*Ещё один ненужный день,
Великолепный и ненужный!*

Сектор сравнительно-исторического изучения восточнославянских языков

После окончания аспирантуры я был принят в Сектор истории русского языка и диалектологии, но очень скоро стал учёным секретарём вновь образованного Сектора – сравнительно-исторического изучения восточнославянских языков.

Сектор довольно большой и – как и весь Институт – по преимуществу женский: Мила Бокарёва, Надя Шелехова, Нина Хренова, Ира Ятрополо, Алла Сабенина, Лера Харпалёва. Мужчины – заведующий сектором академик В. И. Борковский, Саша Полторацкий и я.

Жили дружно. Со многими сотрудниками у меня сложились не только деловые, но и тёплые приятельские отношения.

Саша Полторацкий иногда в шутку подписывался так: *1½-цкий*. Утончённый интеллигент, он не мог терпеть малейшие проявления грубости, неловкости даже. Наша сотрудница Мила Бокарёва (Лопатина) увлекалась графологией – наукой об отражении в почерке свойств и психического состояния человека («у оптимиста последние, не умещающиеся в строке буквы, скашиваются вверх, над строкой, у пессимиста – вниз» и т. д.). Заглянувшему в наш сектор психолингвисту Алёше Леонтьеву она поставила диагноз: «Судя по почерку, ты человек скупой». Такой грубости сверх-предупредительный Саша вынести не мог: «Очевидно, Милочка имеет в виду разумную бережливость, экономность!» А Мила – своё: «Нет, я имела виду скупость». Я с Алёшей не был близок и не знаю, верен ли был Милин диагноз.

Полторацкий был поклонником живописи импрессионистов и постимпрессионистов и украсил нашу рабочую комнату репродукциями картин Ван-Гога, Гогена... «Начальство» это насторожило. И вот, приходит к нам какая-то комиссия (от партбюро? от месткома?), советуют снять картинку: «Это не соответствует духу академического института». Один член комиссии (профессор Бокарёв) пытался возражать: «А по-моему, голые таитянки лучше, чем голые стены». Чем дело кончилось, ей-богу, не помню. Сняли, наверное.

В нашу обязанность входило создание картотеки «Сравнительно-исторического синтаксиса восточнославянских языков». Тексты восточнославянских памятников (с XI по XVI в., до разделения Руси на три народности – русских, украинцев, белорусов) мы тушью переносили на листы кальки и отвозили в одну из московских лабораторий для снятия с них светокопий. Ворох рулонов готовых светокопий мы на институтской машине доставляли в сектор. Дальше картина, изумлявшая всех, кто заглядывал в нашу комнату: на столах, на полу, на подоконнике – рулоны, рулоны, рулоны и скорчившиеся фигуры сотрудников, ножницами разрезающих их на отдельные карточки-цитаты. Ну, и последнее – сортировка этих карточек по памятникам, разделам синтаксиса («Подлежащее», «Порядок слов», «Безличное предложение» и т. п.) и размещение их в громадных картотечных шкафах. Эта зачастую довольно монотонная работа оживлялась разговорами, шутками, анекдотами.

Хмурый осенний день. Дождь в окно стучит. Устали возиться с карточками. Кто-то предлагает: «Давайте чайку попьем!». К всегдашним анекдотам добавляются песни.

Поём старую студенческую песню. Вряд ли кто её помнит:

*В гареме нежится султан,
Ему счастливый жребий дан:
Он может триста жён ласкать.
Ах, если б мне султаном стать!
Но он – несчастный человек,
Вина не пьёт он целый век,
Так повелел ему Коран.*

*Вот почему я не султан.
А в Риме Папе славно жить,
Вино, как воду можно пить,
И деньги есть в его казне.
Ах, если б Папой стать бы мне!
Но он – несчастный человек,
Любви не знает целый век,
Не может женщин он ласкать,
И вот, мне Папой не бывать.
А я различий не терплю,
Вино и девушек люблю,
А чтобы это совместить,
Друзья, студентом надо быть.
В одной руке держу бокал,
Да крепко так, чтоб не упал,
Другой сжимаю нежный стан.
Я сразу Папа и султан.
Твой поцелуй, душа моя,
Султаном делает меня,
Когда же я вина напьюсь,
Я Папой римским становлюсь.
(вариант: Я часто папой становлюсь).*

Кто-то тут же вспомнил анекдот на эту тему:

У султана спрашивают:
– Как это Вы справляетесь с такой уймой жён?
– Очень просто: первой жене я говорю, что иду ко второй, второй
говорю, что иду к третьей, а сам иду спать.

Татьяна Вячеславовна (Булыгина) спела блатную песню, интересную неожиданными сюжетными поворотами.

Иностраный шпион хочет получить «советского завода план» у рецидивиста, предлагая ему «жемчугу стакан» и соблазняя поездкой «в западный Марсель»:

*Там девочки танцуют голые,
Там дамы в шениелях,
Лакеи носят вина,
Бандиты носят фрак.*

Однако шпион просчитался: рецидивист оказался истинным патриотом своей страны:

*Мы взяли того субчика,
Отняли чемодан,
Отняли деньги-франки
И жемчугу стакан.
Потом его мы сдали
Властям в НКВД
С тех пор его по тюрьмам
Я не встречал нигде.*

И концовка:

*Меня благодарили власти,
Жал руку прокурор,
И тут же посадили
Под усиленный надзор.
И вот теперь, братишечки,
Одну имею цель:
Ах, как бы мне увидеть
Этот западный Марсель,
Где девочки танцуют голые,
Где дамы в шениелях,
Лакеи носят вина,
Бандиты носят фрак.*

Результатом работы Сектора была четырёхтомная коллективная монография «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков» (М.: Наука, 1968–1973).

Спорт

Днём в обеденный перерыв мы зачастую делали зарядку во дворе Института или играли там в волейбол. А после работы в конференц-зале Института, где только что кипели научные страсти, мы – Юра Апресян, Игорь Улуханов, Лена Сморгунова, Кира Филонова, Алла Сабенина, я – сдвигали кресла, устанавливали столы и играли в пинг-понг. Даже в соревнованиях Академии наук участвовали. Когда полем битвы был наш Институт, в конференц-зал приходили наши болельщики, даже старшие коллеги, как Софья Владимировна Бромлей, и горячо нас поддерживали. Соперниками были зачастую большие академические институты, и мы обычно проигрывали. Но ведь князь Святослав прав: *«Мёртвые сраму не имут»*.

Но играли мы не только в настольный, но и в «настоящий», большой теннис. Институт снимал корт в Лужниках. Теннисисты – я и мои коллеги – Алла Сабенина (чуть ли не первая ракетка Академии наук!), Демьянов, Улуханов, Анацкий, Полторацкий, Реформатский. Да-да, вы не ослышались: профессор Александр Александрович Реформатский, несмотря на почтенный возраст (около 70!) играл с нами в теннис – вместе с женой, писательницей Натальей Ильиной. Она, *писательница* (как её почему-то называл Реформатский), играла очень неплохо, а Сан-Саньчу было уже трудновато метаться по корту. Но если уж мяч попадал ему под руку, то держись – следовал мощный удар. И вообще, замечательный учёный, автор непревзойдённого, яркого «Введения в языкознание» интеллигент Реформатский был крепкий мужик. Заядлый охотник. Его комнату у метро Аэропорт украшали охотничьи трофеи, чучела птиц. Помню живые, часто озорные, рассказы об охоте и об общении с аборигенами, иногда «очень тесном»: *«А он мне в морду – хрясь! А ему в морду – хрясь!»*.

О нашей работе

Предвижу законный вопрос: «Когда же вы успевали работать? Всё у вас шуточки, да веселье, да спортивные игры!» Успевали. Результатом работы Института явились фундаментальные коллективные труды. Это – удостоенные государственных премий «Русская грамматика» (Т. 1–2. 1980), «Диалектологический атлас русского языка», а также коллективные труды «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (М., 1975–), «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)» (М., 1988–), «Этимологический словарь славянских языков» (Вып. 1–20. 1974–1994), «Русский язык и советское общество» (под ред. М. В. Панова), «Русская разговорная речь» (М., 1973–1983). И это далеко не всё. Солидный список работ Института русского языка АН СССР приводится в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (М.: Советская энциклопедия, 1990). А ведь это сведения только на 1990 г. За последующие годы тоже немало было сделано. К тому же кроме коллективных работ были ещё индивидуальные исследования, статьи в научных журналах. В январе 2001 г. Институтом русского языка им. В. В. Виноградова основан журнал «Русский язык в научном освещении». Как видите, мы не такие уж бездельники – между пирушками и капустниками умудрялись поработать.

Работа в Совете министров СССР

Жить на зарплату младшего научного сотрудника, да ещё и с семьёй, да ещё и выплачивая кредит за кооперативную квартиру, было трудновато. Редкой удачей была недолгая работа в Совмине СССР, в составе группы сотрудников Института иностранных языков под руководством Виктора Юльевича Розенцвейга. Я был привлечён к этой работе, когда уже создавалось впечатление, что она будет скоро прекращена (кончалось финансирование?). Алик Жолковский шутил: «Санников на ходу впрыгнул в поезд, который на всех парах шёл под откос».

В нашу задачу входило создание системы автоматической обработки документации. Поступает, например, запрос: «Где производятся детские коляски?» или в другой словесной форме: «Укажите заводы по производству детских колясок» и т. д. И машина должна выдать соответствующую информацию. Нам, лингвистам, эта работа была интересна. К тому же она неплохо оплачивалась. Помню, я, как кандидат наук, получал более высокую зарплату, и меня это немного смущало, потому что мой вклад в дело был не больше, чем вклад «неостепенённых» коллег. Естественно, что я свою кандидатскую прибавку отдавал на общие нужды.

Мы работали с документами в здании Совмина на ул. Горького. Часто обедали там в хорошей и недорогой столовой, а потом переходили в кафе, чтобы выпить крепкого кофе. Результаты работы оформлялись в виде квартальных отчётов. Их мы составляли по очереди. Помню, когда очередь дошла до Жолковского, он написал отчёт в виде акростиха: начальные буквы предложений составили стихотворную фразу:

*Плати за эту липу
скорее и без скрипу.*

Но, по чистой совести, это не была липа. Мы делали эту работу с увлечением. Хотя она не дошла (не по нашей вине) до практической реализации, её результаты могли быть использованы в информатике и прикладной лингвистике.

На деньги, полученные в Совмине, я смог купить отличные чешские стулья – взамен стоявшего у нас старья. Когда мы вселялись в новую кооперативную квартиру, у нас не было мебели, и сердобольная сотрудница института, секретарь партбюро, недорого уступила нам свою подержанную мебель. К сожалению, вместе с мебелью мы завезли в квартиру ещё и клопов. На эту тему есть хороший анекдот (из серии так называемых абстрактных анекдотов):

Хозяйка предупреждает гостя: – *Не садитесь на этот диван. Там масса клопов. – Почему же вы его не выбросите? – Мы выбрасывали, но они приносят его обратно.*

Письма трудящихся

Других дополнительных заработков было мало: иногда рефераты лингвистических работ, иногда ответы на письма трудящихся. За письмо – ответ трудящемуся – плата совершенно мизерная. Это скорее развлечение – до того эти письма были иногда смешны и забавны. Помню, в одном письме предлагалась такая этимология слова *марципан*: «Слово польское. Пани или паненка, получая из рук пана это кондитерское изделие, благодарили: *Мерси, пан!*» (В действительности – слово из итальянского *marzapane*, имеющего арабские корни). Но были и письма, которые заставляли задуматься о точном значении некоторых слов и понятий, например, о воинских чинах и званиях, а также о дворянских титулах в дореволюционной России и об их градации. Я знаю теперь, что *барон* ниже *графа*, что *штабс-капитан* не выше *капитана* (как я всегда думал), а ниже, что *ротмистр* – кавалерийский офицер, соответствующий чину *капитана* в пехоте и т. д.

Что читали и смотрели?

(Интересно ли это вам?)

Уже с пяти лет я был большой книгочей, а в Москве моя любовь к литературе разгорелась с новой силой. Я, провинциал, «открывал Америку», знакомился с творчеством замечательных поэтов – Мандельштама, Волошина, Цветаевой, Заболоцкого. Поразило одно из последних стихотворений измученного сталинскими лагерями, смертельно больного Заболоцкого – искрящуюся радостью жизни, весельем, юмором замечательную «Поэму весны»:

*Пессимисту дала ты шлепка,
Настежь окна в домах растворила,
Подхватила в сенях старика
И плясать по дороге пустила.*

...

*Это ты, сумасбродка-весна!
Узнаю твои козни, плутовка!
Уж давно мне из окон видна
И улыбка твоя, и сноровка.
Скачет по полю жук-менестрель,
Реет бабочка, став на пуанты...*

Поразили трагическая судьба и стихи Николая Гумилёва, *поэта-конкистадора, поэта-рыцаря, поэта-воина*, как его называли, – воина не только в стихах, но и в жизни. Участник I мировой войны, доброволец лейб-гвардии Уланского полка, кавалер двух солдатских Георгиевских крестов, потом прапорщик 5-го Гусарского Александрийского полка. Направленный летом 1916-го на излечение в Царское Село, активно участвует в жизни литературного Петрограда: пишет стихи, пьесу «Гондла», проводит творческие вечера в «Союзе поэтов», в феврале 1921-го избран руководителем петроградского отделения Всероссийского союза поэтов. С 1918 г. до гибели входит в состав редколлегии издательства «Всемирная литература». 3 августа 1921-го Гумилёв был арестован большевиками за номинальную конспиративную деятельность. Ряд писателей (говорят, и Горький) пытались его спасти. Безуспешно, 35-летний Гумилёв был расстрелян.

Стихи Гумилёва сразу покорили меня – нравились «мужественный романтизм», введённый им в русскую поэзию и взятый потом на вооружение советскими поэтами, напряжённый лиризм других стихов, например стихотворения «Жираф». Никто, по-моему, не смог в русской поэзии выразить с такой пронзительной силой боль трагической неспособности дать счастье близкому человеку:

*Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далёко, далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.*

<...>

*Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавлен, как радостный птичий полёт.
Я знаю, что много чудесного видит Земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.
Я знаю весёлые сказки таинственных стран
Про чёрную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжёлый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.
И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немыслимых трав...
Ты плачешь? Послушай... далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.*

И рядом – шуточные стихи:

*Вот девушка с газельими глазами
Выходит замуж за американца...
Зачем Колумб Америку открыл?*

Ждала меня встреча с замечательной прозой Платонова, Романова, с пьесами Булгакова, Бернарда Шоу.

С жадным вниманием мы приглядывались к современной литературе. В 1962–1963 гг. выходят «Один день Ивана Денисовича» и «Матрёнин двор» Александра Солженицына. Какое глубокое знание деревенской жизни и тюремного быта! Мы вслед за автором проживаем шаг за шагом один день жизни лагерника – с побудки до вечерней поверки. И какая точность и яркость языка!

И ещё одна черта «Ивана Денисовича», отличающая его от замечательных, но невыносимо страшных, ошеломляющих «Колымских рассказов» Варлама Шаламова и роднящая с «Капитанской дочкой» Пушкина. «*Не дай Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!*» – говорит Пушкин. И уж, конечно, не дай Бог видеть сталинские тюрьмы и лагеря. Но Солженицын, как Пушкин, показывает нам эту грязь, этот ужас – с таким тактом, с таким чувством гармонии, что это не производит гнетущего впечатления.

Помню, племянница Булгакова Лена Земская дала нам (на одну ночь!) почитать в машинописи роман Булгакова «Мастер и Маргарита». С каким удовольствием мы с женой Светланой читали роман и думали: «Как жаль, что это никогда не будет напечатано!». И какая была радость, когда в 1966–1967 гг. появилась публикация этого романа в журнале «Москва»!

И – свежая струя с окраин: Василь Быков, Чингиз Айтматов, Фазиль Искандер. И «деревенщики» – Виктор Астафьев, Валентин Распутин. И Василий Белов с его «Канунами». Там нет ещё коллективизации, но это – лишь затишье перед бурей: деревенская Русь обречена...

Большой потерей для нашей литературы была гибель (утонул в Байкале в 1972-м) 35-летнего талантливейшего драматурга Александра Вампилова, автора пьес «Дом окнами в поле», «Утиная охота», «Старший сын» и др.

С нетерпением ждали мы выхода очередного номера «Нового мира» – лучшего журнала того времени. Там был напечатан роман Георгия Владимова «Три минуты молчания» и другие яркие произведения. Интересны были и материалы отдела критики, например, большая и очень глубокая статья Владимира Лакшина о «Мастере и Маргарите» Булгакова.

Среди трескучей соцреалистической халтуры возникали и другие яркие звезды: Юрий Казаков, Юрий Панкратов с его простыми и такими трогательными стихами:

*Ты теперь не там живёшь
И не так живёшь.
Ты меня не так поймёшь,
Так и не поймёшь.*

А как мы радовались, смеялись, повторяли как поговорки юмористические сценки из современной жизни: «Помнишь, у Райкина...», «Как это у Райкина?..», не подозревая, что Аркадий Райкин – замечательный чтец, а текст – остроумный, злободневный, смелый (иногда на грани допустимого в СССР) – принадлежит талантливому сатирику Михаилу Жванецкому, о котором Алла Пугачёва остроумно сказала: «Какой же он сатирик? Он сатир, сатирище!». Помню, мне удалось во время командировки в Ленинград выклянчить у администратора театра билет на вечер Райкина. Ни в напечатанной программке вечера, ни в самих выступлениях Райкина ни разу не была упомянута фамилия автора текстов – Жванецкого!.. И конечно, всё это если не с подачи, то наверняка при попустительстве Аркадия Райкина. В «Советском энциклопедическом словаре» (М., 1990) Аркадий Райкин, Герой Соц. Труда, лауреат Ленинской премии, объявляется «**создателем** остросатирических и лирических портретов», а Михаилу Жванецкому, действительному создателю этих образов, не нашлось места ни в этой энциклопедии, ни в «Литературном энциклопедическом словаре» (М., 1987). Справедливость частично восторжествовала: в «Российском энциклопедическом словаре» (М., 2001) Райкину отводится более скромная роль – «**мастер мгновенного перевоплощения**», и помещена небольшая статья о Жванецком.

Интересно было окунуться в мир иностранной литературы – и современной (Генрих Бёлль, Ханс Фаллада, Эрнест Хемингуэй), и древней (японские пятисложные *тайка* и трёхсложные *хокку* (мастером хокку был в XVII в. Мацуо Басё):

*О, кленовые листья!
Крылья вы обжигаете
Пролетающим птицам.*

или:

*Я шла и шла
К голубой луне,
А она всё далёко.*

Читая эти стихи, я вспомнил, что в детстве я тоже удивлялся: бегу, бегу мимо луны (спереди справа она, совсем близко!) и никак не могу её миновать.

Открытием был для меня испанский поэт Гарсиа Лорка, расстрелянный испанскими фашистами 19 августа 1936 г. Когда-то он написал пророческие стихи:

*Ах, как матери моей мне жалко,
сына ей уж не увидеть.*

И другие:

*Когда я умру,
оставьте дверь на балкон открытой.
Мальчик ест апельсины.
(С балкона его я вижу.)*

*Жнец срезает колосья.
(С балкона его я слышу.)
Когда я умру, оставьте дверь на балкон открытой.*

(Пер. Роберта Похлебкина).

В творчестве Лорки очень сильны цыганские мотивы:

*Начинается плач
гитары.
Разбивается
чаша утра.
Начинается плач
гитары.
(...)
О, гитара,
бедная жертва
пяти проворных кинжалов!*

– это Гарсиа Лорка в переводе Марины Цветаевой.
Эти стихи переведены также Владимиром Вуличем:

*Начинается плач
гитары.
Тихо разбились
Рассвета бокалы.
Начинается плач
гитары.*

– этот перевод мне нравится больше цветаевского.
Стихи Лорки перекликаются со стихами Аполлона Григорьева «Цыганская венгерка»:

*Две гитары зазвонев,
Жалобно заныли.
С детства памятный мотив,
Старый друг мой, ты ли?
Басан, басан, басанá
Басанáта, басанáта,
Ты другому отдана
Без возврата, без возврата...*

Листая страницы журнала «Иностранная литература», мы погружались в экзотический мир японской (Кабо Абэ, Акутагава) и латиноамериканской литературы – аргентинский писатель Хорхе Луис Борхес, Маркесы – трое (!): перуанец Хосе, пуэрториканец Рене, колумбиец Габриэль Гарсиа – автор замечательного романа «Сто лет одиночества».

С большим интересом читали повести бразильского писателя Жоржи Амаду («Дона Флора и два её мужа» и другие). Особенно понравилась мне написанная с мягким юмором повесть «Старые моряки», перекликающаяся с романом Альфонса Доде «Тартарен из Тараскона». Советские литературоведы из всех западных (и наших) писателей делали «обличителей буржуазного строя». А герой Жоржи Амаду Васко Москозо – просто безобидный выдумщик,

поэт в душе, вообразивший себя капитаном. И вдруг ему действительно пришлось командовать судном «Ита»! Всё шло хорошо, поскольку он «доверил» командование старшему помощнику. Однако по прибытии в конечный порт распоряжаться полагалось самому капитану. На все вопросы («На сколько швартовов зачаливать судно?», «Сколько бросать якорей?», «Сколько тросов?») он отвечал: «Все!». Погода стояла отличная, и все потешались над судном, туго спелёнутым, как младенец, и над его незадачливым капитаном. И вдруг налетела сильнейшая буря. Многие суда затонули или были унесены в открытое море. А «Ита» уцелела, и все восхищались прозорливым капитаном.

Жоржи Амаду был видным деятелем бразильской компартии, но затем выступил с заявлением в печати, где говорил, что своей работой в области литературы он надеется принести больше пользы, чем политической деятельностью. И стал автором замечательных повестей, глубоко человеческих, отмеченных большим талантом.

Многие наши писатели тоже стояли, как и Амаду, перед выбором – литературная или политическая деятельность? Некрасов писал: *«Мне борьба мешала быть поэтом, / Песни мне мешали быть бойцом»*. Скромничает: он преуспел в обоих видах деятельности. Написал замечательные произведения «Мороз, Красный нос», «Орина, мать солдатская», «Кому на Руси жить хорошо», многие его стихи стали песнями («Коробейники», «Тройка» и др.) Но, к великому сожалению, Некрасов преуспел и в политической деятельности, много сделал для возникновения и распространения революционных настроений среди молодёжи. Вывал: *«Буря бы грянула, что ли? Чаша с краями полна»*. И она грянула в октябре 1917-го...

Любимой нашей газетой была «Литературная газета». В «застойные» 60–70-е её украшением была юмористическая 13-я страница, в частности сатирический образ писателя Евгения Сазонова – великого *«душелюба и людоведа»*, шутки Пантелеймона Корякина:

[Застойные годы. Призывы на заводских плакатах]:

Выполним – перевыполним... Догоним – перегоним... Сделаем – переделаем... Добьёмся – перебьёмся...

Или вот ещё пародия на советскую журналистику:

С богатой добычей вернулся в родное стойбище охотник Черттезнаев. Каково же было удивление 60-летнего охотника, когда оказалось, что мех двух убитых им лисиц – искусственный! Это уже не первый случай отстрела в Якутии лисиц с искусственным мехом.

Огорчило изменение графика выхода «Литературной газеты» (вместо трёх – один раз в неделю). Даже стихами на это событие откликнулись:

*Наш любимый старый орган
Так измучен, так издёрган,
Что ему, и в самом деле,
Трудно – трижды на неделе.
Если ж в немоги своей
Он не сможет раз в семь дней,
То рискует наш негодник
Превратиться в ежегодник.*

В те годы, да и позднее велика была роль кино и телевидения. Это были и замечательные «серьёзные» фильмы («Летят журавли», «Иваново детство», «Андрей Рублёв», «Баллада о солдате», «Отец солдата»), и развлекательные фильмы и телесериалы («Гусарская баллада», «12 мгновений весны», «Место встречи изменить нельзя» и др.). Каждый новый фильм был событием. Жизнь на улицах замирала, все перед «голубым экраном». Главные герои – поручик

Ржевский, Штирлиц со всеми их (и нашими) слабостями – становились близкими людьми и дали жизнь целой серии анекдотов.

Много и отличных зарубежных фильмов: английские («Мост Ватерлоо», «Оливер», «Мистер Питкин в тылу врага»), итальянские («Полицейские и воры», «Рим в 11 часов», «Закон и кулак», «Надежда»), польские («Пепел и алмаз», «Знахарь», «Потоп»), японские («Под стук трамвайных колёс», «Семь самураев»), индийские («Бродяга»), мексиканский сериал «Богатые тоже плачут» и много, много других.

А что читаю сейчас, на закате жизни? Как сказал профессор Реформатский, чем дальше, тем мемуарнее. С удовольствием читаю чужие мемуары, с меньшим удовольствием – пишу свои. Каждый день читаем вслух с женой (у неё плохо со зрением, и она не может читать). Конечно, басни Крылова с его удивительно ярким, образным, живым языком (и ведь, это до Пушкина и Некрасова!), русскую поэзию от Пушкина, Лермонтова до Блока и Мандельштама. Но уж, конечно, не Маяковского. Но не потому, что он – певец р-революционности: не любил я его и в годы молодости, когда сам был правоверным комсомольцем. Я не мог принять его жёлтую кофту, «лесенку» стихов, громогласность, оголтелость, доходящую до кровожадности:

*Пули, погуице! По оробелым!
В гуицу бегуицим грянь, парабеллум!
Стар – убивать. На пепельницы черепа!*

(Печенеги нашли черепу князя Святослава другое применение – чаша для вина).

Из прозы охотнее всего мы читаем Льва и Алексея Толстых, Тургенева, Лескова, Булгакова. Ну и, конечно, рассказы Бунина, Чехова и их поклонника и наследника – Юрия Казакова.

Стало традицией перечитывать с дочерью Олей, приезжающей к нам из Германии, «Капитанскую дочку». Я уже касался вскользь этого удивительного произведения. Как Пушкин пишет о страшном, не заставляя нас содрогаться от отвращения и ужаса? Первоначально роман задуман как мрачный рассказ о реальном историческом лице – потомственном дворянине Шванвиче (Пушкин переименовал его в Швабрина), который стал подручным Пугачёва и которого Екатерина II помиловала из жалости к его престарелому отцу. Однако в ходе последующей работы Пушкин вводит и делает главным другого, положительного героя – Гринёва, придумывает ему приключения, повышая тем увлекательность рассказа и одновременно – смягчая его мрачный характер.

Моя библиотека

(Предупреждаю: этот раздел – для библиоманов).

За долгую жизнь я скопил одно богатство – неплохая домашняя библиотека.

Я уже писал в первой части моих заметок, что в Воткинске в нашей семье книг не было, тратить деньги на мою «блажь» – книги, родителям было жаль (да и не было этих денег). И всё-таки каждый раз, как мама уходила «в центр», в магазины, я просил её «купить книжку». Потом становился на колени в красном углу, перед иконами и молился: «Господи, сделай, чтобы мама купила мне книжку!» Бог крайне редко удовлетворял мою просьбу. В Перми со студенческой стипендией тоже по книжным магазинам не разгуляешься. А вот в Москве, я, человек, мягко говоря, небогатый, всё-таки имел возможность покупать книги, благо они тогда, в советские времена, были довольно дешёвы. Но тут другая беда – как и на продукты, острый дефицит. Полки книжных магазинов были завалены трудами классиков марксизма-ленинизма, соцреалистической чепухой, а вот купить хорошую книгу в Москве было трудно. Приезжая в другой город, мы бросались в книжные магазины и находили иногда то, что в Москве было трудно достать.

Помню, на уборке картошки в совхозе мы с Колей Перцовым поехали в Бронницы, и там, в книжном магазине я увидел на полке Комментарий к «Евгению Онегину» Юрия Лотмана. Кричу: «Смотри, Коля, Лотман!» Коля мгновенно среагировал: «Чур, моя!» До дуэли дело не дошло, поскольку там было ещё несколько экземпляров, и мы их скупили.

В Москве ни в одном книжном магазине я не нашёл стихов Гарсиа Лорки. Зато его занесло по прихоти книготорговцев в провинциальный Воткинск. Там я обнаружил на складе 5 (уценённых!) экземпляров и, вернувшись в Москву, дарил друзьям.

Помню ещё, как наши друзья Марина Гловинская и Юра Апресян привезли из Прибалтики и подарили нам «Капитанскую дочку», изданную «Советской Россией» и снабжённую цветными иллюстрациями А. Иткина. И подобных случаев – множество.

В Москве я чуть ли не каждый день ходил, как на охоту, по букинистическим магазинам. С азартом – повезёт, не повезёт? И вот однажды сбылась моя старая мечта. Ещё в Перми, в библиотеке Молотовского университета, созданной на базе библиотеки эвакуированного в годы I мировой войны Тартуского (Юрьевского) университета, я читал Достоевского в прекрасном дореволюционном издании «Просвещение». Сказал себе: «У меня будет Достоевский именно в этом издании». И вот иду я как-то во МХАТ и по пути заглянул в букинистический магазин. И вижу то самое собрание сочинений Достоевского! Правда, неполное, без 5-го тома. Но – нет худа без добра: от этого оно дешевле (замечу, что я потом нашёл и недостающий том). Я тут же купил эти книги (завтра утром их уже не будет!) и, счастливый, отправился с 20-ю томами (!) в театр. Позднее я приобрёл в этом же издании и Пушкина, и Лермонтова, хотя у меня были и современные издания их сочинений. Мне приятнее видеть русских классиков «в их одежде», с ятями и ерами.

Ещё одна удача на «охоте» – «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона – в приличном состоянии и недорого – 82 руб. за 82 тома (моя зарплата тогда – 135 руб. в месяц). Сейчас словарь стóит, наверно, подороже. Помню исторический анекдот, связанный с этим словарём. Один из издателей (Брокгауз) отличался крайней скупостью и на жалобы авторов о задержке гонорара отвечал всегда: «Ах, я – собака беспамятная!» Авторы оплатили скареду, поместив в 5-м томе статью: **Беспамятная собака** – собака жадная до азартности.

Я, мои друзья, мои враги, мои друзья-враги

Известно, что труднее всего познать самого себя. Попытаюсь, однако...

Всю жизнь я наблюдаю – с интересом, часто с болью – за борьбой во мне двух характеров – отцовского и материнского. Эта борьба шла с переменным успехом: с годами победил обстоятельный, замкнутый, молчаливый отец, однако в юности, да и в среднем возрасте побеждало материнское начало – открытость, общительность, жизнелюбие. Вспоминается восторженный возглас молодого Гёте:

*Как эту радость
В груди вместить! —
Смотреть! и слушать!
Дышать! и жить!*

(«Майская песня»)

Или Есенин:

*Эх, ты молодость, буйная молодость,
Золотая сорви-голова!*

(«Несказанное, синее, нежное»)

Однако уже в юности восторженность, жизнелюбие сочетались у меня с какой-то затаённой внутренней грустью. Мне не раз говорили, что глаза мои не смеются, когда я смеюсь. О моей студенческой фотографии друг Коля Нельзин сказал коротко: «Монашек». В самом деле: в XIX в. я мог бы стать монахом, в начале XX-го – пламенным революционером, а во второй половине XX-го стал диссидентом. Тут, видимо, проявились мои бунтарские старообрядческие корни и старообрядческая упёртость.

А внешне – смиренный и тихий. В детстве взрослые не могли мной нахвалиться: «*Не парень – золото! Как тихое море*», а ребята дразнили «*маменькиным сынком*». Да вот и многих московских коллег эта черта моего характера настораживала: «*В тихом омуте черти водятся*», «*Смирение – паче гордости*».

Но – хватит самокопания, пора поговорить о других.

Сначала – о «воткинском наследии», о старых, школьных друзьях – Володе Калининe, Вите Богатырёве, Коле Нельзине, чья дружба грела меня всю жизнь.

В школьные годы мы с Колей Нельзиным мечтали о морях, о плавании в дальние страны. В Коле осуществилась мальчишеская наша мечта: он после многих мытарств стал моряком. Ну, а я – филолог, бумажный червь. Какой-то морской волк сказал по этому поводу: «*Ничего не хочу сказать обидного о людях сухопутных. Просто каждому своё: орёл ширяет в небесах, червь копается в дерьме*». Как я писал в шуточных дружеских стихах, Коля «*во всех морях и океанах всю воду нам перемутил*». Он был приписан к Таллинскому порту и жил с семьёй в Таллине. Приезжая туда, я всегда заходил к ним. Помню, как мы сидим вечером с его женой Итой (Маргаритой), знакомой мне ещё со школьных лет, и сыном Сергеем и получаем его телеграмму с борта судна: «*Друзья примите морского бродягу в свою компанию Колька*». Многие годы Коля плавал (*ходил*) на торговом судне в должности штурмана, старшего помощника капитана и, наконец, капитана дальнего плавания. В капитаны был произведён с большим опозданием, только во время перестройки, поскольку неизменно под разными предложениями отказывался вступить в коммунистическую партию, а ведь до перестройки капитаном дальнего плава-

ния мог быть только член партии. Мы постоянно переписывались с Колей. Он часто приезжал в Москву и мы, «три мушкетёра» (Калинин, Богатырёв и я), рады были встрече с ним.

Когда он уже «вышел на берег» и лечился в Пятигорске на водах, с ним произошёл жуткий случай. Он лежит в целебной ванне в горах, рядом никого нет, только похаживает какой-то незнакомый парень. Ну, ходит и ходит, Коля нежится себе в ванне. И вдруг страшный удар камнем по голове. Коля потерял сознание и истёк бы кровью, если бы не люди, пришедшие принимать ванны. Колю отвезли в больницу. Его вещи пропали. И вдруг, когда Колю выписали, он встретил на улице Пятигорска этого негодяя. Тот прогуливался по улице – в Колиной куртке! К счастью, рядом был милиционер. Коля закричал: – *Задержите его! Он убийца!* Милиционер стал допрашивать – кого бы вы думали? – Колю! – *Кто Вы, предъявите документы!* – *Да какие документы?! Потом, потом!* А преступник уже скрылся. Милиционер то ли струсил, то ли не захотел возиться. Коля потом долго болел, у него перекошилось лицо из-за сотрясения мозга, и через пару лет он умер. А ведь крепкий был мужик. Умер человек, с которым я дружил всю жизнь, с 1-го класса школы...

Володя Калинин и Витя Богатырёв – не моряки и не гуманитарии, как я, – «технари», занимали какие-то важные посты в авиастроении и оборонной промышленности, но мы по-прежнему были дружны и почти каждый праздник встречали семьями вместе. Сколько дружеских разговоров, воспоминаний о родном Воткинске, тостов, анекдотов, песен!

Помню, друзья-«технари» пели песню – отклик на ленинский призыв к электрификации всей страны:

*Нам электричество сделать всё сумеет,
Нам электричество тьму и мрак рассеет,
Нам электричество наделает делов:
Надавишь кнопку – «чик-чирик!» – поехало, пошло.
Надавишь кнопку «чик!» – и пей себе на счастье,
Надавишь кнопку «чик!» – тебя ведут в участок,
Надавишь кнопку «чик!» – и ты ползёшь домой,
Жена тебя встречает электрокочергой!*

Большим потрясением для меня была смерть Володи Калинина. По окончании казанского авиационного института (куда вместе с ним поступил было и я, но бросил, соблазнённый филологией), он работал начальником цеха, а потом главным инженером Новосибирского авиационного завода. Часто приезжал в командировки в Москву. После смерти первой жены (рак) переехал на работу в Москву. Женился на директоре одной из московских школ. Мы часто общались семьями. Это был надёжный, твёрдый и исключительно добрый человек. Вот забавная сценка. Сидим на его даче у камина. Втроём. На двух креслах нежмся я и здоровенный «дворянин» с мохнатым хвостом (не помню его имя-отчество), а хозяин, Володя, – у наших ног, на полу между креслами. Он пригрел этого бродягу и они очень сдружились. Помню, пёс сопровождал нас, когда мы ходили ловить рыбу на их озеро. Переезжая осенью в Москву, Володя решил взять пса с собой, но тот вырывался, никак не хотел лезть в машину. Видимо, предпочитал вольную бродяжью жизнь. Но как же он радовался, когда следующей весной Володя вернулся на дачу и опять взял его к себе.

И вот Володя умер... А ведь крепкий был человек, спортивный. Ещё учеником 10-го класса играл за хоккейную команду Воткинска, занимался боксом, отлично играл в бильярд. Шахматист, в Казани играл за институтскую шахматную команду. А как пел! У него был хороший слух и сильный голос. На наших посиделках его жена Люся, жалея уши наших соседей, цыкала на него, просила петь потише. Мы шутили, пели частушку:

*Ты не пой, ты не пой,
У тя голос не такой!
Есть такие голоса —
Встанут дыбом волоса.*

А потом просили его петь ещё, и погромче. Какая злая ирония судьбы! Человек, у которого был не голос – голосище, заболел раком горла и потерял голос, в конце даже говорил с трудом. Чувал приближение смерти. Позвонил мне, прохрипел: «Приезжай, и поскорее». Долго сидели с ним, вспоминали... О болезнях и смерти не говорили. Через несколько дней он умер, умер верный, надёжный друг, поддерживавший меня в самые тяжёлые минуты моей жизни. «У счастливого недруги мрут, у несчастного друг умирает». Мир праху твоему, дорогой Володя! Спасибо за всё.

В московскую жизнь я вошёл легко, чувствуя себя этаким «покорителем столицы». Психологические сложности пришли не сразу. Бóльшая искренность, открытость, уязвимость провинциалов по сравнению с москвичами отмечалась многими и отразилась в пословице: *Москва слезам не верит*. К этому добавилась моя крайняя доверчивость и простодушие. Снова вспоминаю эпизод моего детства. Мама на просьбы купить мне игрушку или книжку отвечала глупой прибауткой: «*Ну, вот собаку облупим, так купим!*». В годы моего детства кошек на улицах Воткинска бегало (и сейчас бегают) множество, а вот собаки заглядывали в это кошачье царство с опаской и довольно редко. Поэтому, увидев бегущую в центре города собаку, я завопил, испугав и маму и собаку: «*Мама, собака! Хватай! Облупим, купим игрушек!*». Эта черта была присуща мне – увы, увы! – не только в детстве. Недаром я озаглавил свои книги воспоминаний – «Записки простодушного».

Герой рассказа Диккенса «Чей-то багаж» признаётся, что он часто ошибался в людях – и не потому, что он не замечал сразу их дурных свойств, а потому, что **позволял им приблизиться и говорить о себе**. Вот и у меня первое невыгодное впечатление о человеке сглаживалось при более близком знакомстве, а потом я с болью убеждался, что первое впечатление было правильным. Одно знакомство оказалось особенно тяжёлым. Началось оно глубокой интуитивной неприязнью, продолжилось чем-то, похожим на дружбу, а закончилось предательством. Не будь этого и других предательств, я мог бы считать свою жизнь счастливой – несмотря на синяки и шишки, на которые не поскупилась моя судьба. (Впрочем, Пушкин, видимо, прав: «*На свете счастья нет*»). Я убедился, что нет людей хороших и плохих, в каждом намешено и того, и другого. Но – в какой пропорции? И главное – есть ли у человека *совесть*? Кант говорил, что больше всего его удивляют две вещи – звёздное небо надо мной и **моральный закон во мне**. Это неопределённое понятие всегда жило в народе и отразилось в словах *совесть, бессовестный*. Ведь даже не всякого лентяя, скупердяя, мота, пьяницу, грубияна назовёшь бессовестным.

Вернёмся, однако, во времена ранней молодости. Сколько новых друзей я нашёл в Москве! Не могу отказать себе в удовольствии вспомнить их имена: Юра Апресян, Лёня Крысин, Лёня Касаткин, Лёва Скворцов, Костя Бабицкий, Игорь Добродомов, Саша Феоктистов, Эрик Ханпира; «девочки» – Лена Земская, Кира Филонова, Галя Баринова, Ламара Капанадзе, Светлана Кузьмина, Марина Гловинская, Лида Иорданская, Галя Романова (как она уцелела с такой-то фамилией – *Романова!*).

Рассказывать о творческой судьбе каждого из них – непосильная задача. Сошлюсь на справочную литературу, в частности справочник «Кто есть кто в современной русистике» (М.; Хельсинки, 1994). Здесь можно найти имена многих из моих друзей.

Мы с интересом учились, работали, до поздней ночи сидели в библиотеках, придирчиво обсуждали статьи друг друга, но и хорошо отдыхали, и дружеским застольям радовались.

Устами своего героя Чехов советует: *«Ежели, положим, вы... желаете с аппетитом пообедать, то никогда не нужно думать об умном: умное да учёное всегда аппетит отшибает. Сами изволите знать, философы и учёные насчёт еды самые последние люди»* («Сирена»). Категорически возражаю: у нас в молодости наука аппетит не отбивала. Наши застолья не только нас, детей голодных военных и послевоенных лет, – даже иностранцев изумляли: в магазинах ничего нет, а столы ломятся от яств. Особого разнообразия, перемены блюд не было – закуска да одно блюдо, но любовно, с душой приготовленное (*«щи, но от чистого сердца»*). Гости очень любили наше коронное блюдо – пельмени. Пельмени мы готовили не только с мясом, но и уральские – с квашеной капустой и с душистым деревенским подсолнечным маслом (дочка Оля, да и я, пожалуй, любили их даже больше мясных). Помню, Марина Гловинская в ответ на приглашение спрашивала: «А пельмени будут?». Даже наш кот Сеня попытался однажды пельменями полакомиться и попал впросак (об этом я ещё расскажу).

Мои воткинские родичи, люди физического труда, готовясь к приёму гостей, прикидывали: *«На мужика надо нашить (заготовить) 50 пельменей, на бабу – 30»*. У наших московских гостей-интеллигентов аппетиты были поскромнее, но всё-таки и здесь надо было заготовить несколько сотен пельменей – дело непростое, впрочем, с детства знакомое и где-то даже успокаивающее. Даже и без гостей мы иногда, вернувшись домой после бурных институтских событий (о них речь впереди), говорили: «А давайте пельмени постряпаем!». И сама однообразность движений (под разговоры или чтение вслух) как-то успокаивала.

Увы! Приведённый выше список друзей в дальнейшем всё время сокращался – и по разным причинам...

*Уходят, уходят, уходят друзья,
Одни в никуда, а другие – в князя.*

(А. Галич)

А как хорошо написала Белла Ахмадулина:

*Да будем мы к своим друзьям пристрастны!
Да будем думать, что они прекрасны!
Терять их страшно, Бог не приведи!*

И было приятной неожиданностью, когда у нас со Светланой, уже очень немолодых, появились молодые друзья – мои коллеги Саша и Ира Лазурские. Это они подарили нам любимцу – кошку Басю (о ней я ещё расскажу). Запомнились забавные высказывания 5-летнего Арсения Лазурского.

Большая девочка – Арсению:
– Дура, ты же упадешь!
– Во-первых, я не дура, а дурак!

Разговор Арсения с отцом:
– А ну, вставай немедленно!
– Что-то ты меня сегодня мало радовашь, папа. Грубый очень.

Не все мои друзья дожили до сегодняшнего дня... Земной им поклон и вечная память. Об этом лучше не скажешь, чем Жуковский:

*Не говори с тоской: «Их нет»,
Но с благодарностью: «были».*

Были такие, которые из друзей стали врагами, но больше таких, дружба с которыми гасла постепенно, и погасла...

В дружбе были какие-то периоды. Был у нас «бронзовый век» (простите за дурной каламбур) – тёплые приятельские отношения с врачом Лидой и её мужем инженером Лёней Брондз, начавшиеся в турпоездке по Эстонии и продолжившиеся в Москве.

Был *сухотинский период* – дружеские отношения с Борей Сухотиным и его милой семьёй. Помню, пацифист Боря как-то пеняет сыну Алёше, что тот слишком увлекается военными играми. Алёша, и внешне, и по характеру очень похожий на нестеровского инока Варфоломея, ответил: «Папа, я очень люблю мир, но играть я люблю в войну». Жаль, Боря Сухотин, талантливый лингвист, рано умер...

Был *добродомовский период* – дружба с коллегами Галей Романовой и её мужем Игорем Добродомовым (тот, кого в шутку называли *Злоизбушкин*). В гости друг к другу ходили, гуляли по, как Игорь говорил, «филейной части» Москвы, в Крым, в Коктебель ездили, купались, мазались там с ног до головы целебной грязью, в подмосковные походы ходили. Помню, призывает Игорь на помощь Маяковского, чтобы осветить нашу «злободневную тему»:

*Дождь покапал и прошёл,
Солнце в целом свете.
Это очень хорошо
Галочке и Свете.*

А потом стали встречаться всё реже и реже. Даже не созваниваемся.

Стоп! Сегодня (2 янв. 2018-го) созвонились, и не только обменялись новогодними поздравлениями, но договорились и встретиться у них, завтра же. Видимо, права пословица: «Старая дружба не ржавеет».

Иногда причина расхождений была более серьёзной. Не расхождения – разрыв, например, с Игорем Мельчуком или с Лёвой Скворцовым.

Скворцов был одним из самых близких моих друзей. Сохранилась его фотография с надписью: *Володе Санникову, другу и брату*. А потом Лёва «ушёл в князя»... Помню, вступая в коммунистическую партию, он мне говорил: «Понимаешь, Володя, нужно, чтобы в партии были порядочные люди». Быстро «повзрослел», стал секретарём парторганизации Института, основным гонителем всех «инакомыслящих». Тесная дружба связывала Лёву Скворцова с Лёней Крысиным. Это было и творческое содружество. Вместе написали хорошую популярную книгу «Правильность русской речи». В 1962-м по просьбе Корнея Ивановича Чуковского написали рецензию на книгу Чуковского «Живой как жизнь» и потом не раз были на его даче в Переделкине. А после смерти Чуковского, в 80-х, его дачу, ставшую музеем, хотел отнять Союз писателей, и Лёня вместе с дочерью Чуковского Лидией Корнеевной и другими друзьями и поклонниками писателя несколько лет, сменяя друг друга, дежурили в доме-музее Чуковского, опасаясь «рейдерского захвата» здания. Но ещё задолго до этого друзья стали врагами. Да и для меня один – Лёва Скворцов – стал «закадычным врагом», а другой – Лёня Крысин –

закадычным, верным другом на всех этапах моей московской жизни: вместе работали в Институте русского языка, оба были изгнаны за «диссидентские грешки» и работали в Информэлектро, дружили семьями. О трагической судьбе своих близких Лёня Крысин написал в ярких, к сожалению, лишь частично опубликованных воспоминаниях. Да и его судьба была, мягко говоря, непростой: в 1973 г. уволен из Института за подписание писем протеста против политических преследований в СССР. Справедливость, пусть с большим опозданием, восторжествовала. Вернулся в Академию наук, заместитель директора Института русского языка, заведующий Сектором современного русского литературного языка, автор нескольких книг, в том числе: «Толковый словарь иноязычных слов» (М., 1998), «Русское слово, своё и чужое» (М., 2004), «Слово в современных текстах и словарях» (М., 2008) и сотни статей по русскому языку.

Кончаю раздел словами Петра Вяземского – друга Пушкина:

*...пью за здоровье немногих,
Не многих, но верных друзей,
Друзей неуклончиво строгих
В соблазнах изменчивых дней.*

Походы по Подмоскovie

Большой радостью были наши подмосковные походы. Тогда была шестидневная рабочая неделя. В субботу в обеденный перерыв закупали продукты, после работы ехали на электричке до какой-нибудь подмосковной станции и пешком до намеченного места. Зимой брали с собой лыжи. Помню, я с тяжеленным рюкзаком упал в глубокий снег. Наш массовик-затейник Игорь Мельчук остановился надо мной и продекламировал заупокойным голосом:

Грянулся на землю он, и взгремели на павшем доспехи.

– это из «Илиады» Гомера.

Зимой иногда добирались до места уже в темноте. А тут надо ещё расчистить от снега место для костра, развести костёр, нарубить еловых веток и поставить на них палатки, приготовить пищу. Наконец, сидим у костра, едим (устали, проголодались). Помню, какой-то новичок удивлялся: «Неужели нужно было переть так далеко, чтобы пожрать?». Нет, нужно было. Костёр, тепло, душевно, рядом друзья. Шутки, анекдоты, стихи и, конечно, песни. Что пели? Туристские песни, «геологические», студенческие, «Мой костер» Полонского, «Марш чёрных гусар» («По улице, пыль подымая...»). Ну и конечно, Есенин, Окуджава, Высоцкий. Как они скрашивали нам жизнь в трудные советские годы! В Новый год вспоминались простые и душевные такие песни Булата Окуджавы о ёлке:

*Вот и январь накатил-налетел,
бешенный как электричка.
Мы в пух и прах наряжали тебя,
мы тебе верно служили.
Громко в картонные трубы трубя,
словно на подвиг спешили.
В миг расставания, в час платежа,
в день увяданья недели
чем это стала ты нехороша?
Что они все, одурели?!*

И грустная концовка:

*Но начинается вновь суета.
Время по-своему судит.
И в суете тебя сняли с креста,
И воскресенья не будет...*

И другая его песня на ту же тему, не такая грустная:

*Неистов и упрям,
Гори, огонь, гори!
На смену декаблям
Приходят январь.
Нам всё дано сполна —
И радости, и смех,
Одна на всех луна,*

*Весна одна на всех.
Прожить бы жизнь до тла,
А там пускай ведут
За все твои дела
На самый страшный суд.
Пусть оправдания нет
И даже век спустя.
Семь бед – один ответ,
Один ответ – пустяк.*

Тут и тюремные («Я помню тот Ванинский порт...») и заливчатские студенческие песни. Помню, с одной студенческой песней я познакомился ещё в школьные годы, читая в «Моих университетах» Горького о пирушках казанских студентов:

*Сам Варлаамий святой
С золотой головой
Сверху глядя на них
Улыбается*

– а потом мы пели эту песню и в Перми, и в Москве – но без сокращений, и соблазнен студентами был не горьковский Варлаамий святой, а святой Николай:

*Сам Никола святой
С золотой головой
Сверху глядя на них
Улыбается.
Он и сам бы не прочь
Провести с ними ночь,
Но на старости лет
Не решается.
Но соблазн был велик
И решился старик,
С колокольни своей
Он спускается.
И всю ночь напролёт
Он и пьёт, и поёт
И ещё-о!.. кое-чем
Занимается...*

Вот ребята уныло затягивают на мелодию похоронного марша Мендельсона:

*Умер наш дядя, как жалко нам его.
Он нам из наследства не оставил ничего.*

Тонкими голосами вступают девчонки:

*А тётя хохотала, когда она узнала,
Что умер наш дядя, не оставил ничего...*

Пели и замечательную «Песню о Сталине» Юза Алешковского. Привожу её по памяти, хотя сын Андрей говорил, что у меня много отступлений от оригинала, и предлагал полный текст. Мне приятнее вспомнить песню в том виде, как мы пели её тогда у костра:

*Товарищ Сталин, Вы большой учёный,
в языкознании Вы тоже знали толк,
А я простой советский заключённый,
И мой товарищ серый брянский волк.
То дождь, то снег, то мошкара над нами,
а мы в тайге с утра и до утра.
Вы здесь из искры раздували пламя —
спасибо Вам, я греюсь у костра.
Вам тяжелей, вы обо всех на свете
заботитесь в ночной тоскливый час,
шагаете в кремлёвском кабинете,
дымите трубкой, не смыкая глаз.
Дымите тыщу лет, товарищ Сталин.
И пусть в тайге придётся сдохнуть мне,
я верю: будет чугуна и стали
на душу населения вдвойне.
За что сижу – по совести, не знаю,
но прокуроры, видимо, правы.
Я это всё, конечно, понимаю
как обострение классовой борьбы.*

Об «обострении классовой борьбы» «великий Сталин» говорил в докладе на съезде ВКП(б). (И это сказано, когда он подмял под себя всю страну и свою родную коммунистическую партию!)

Лида Иорданская и Игорь Мельчук пели народные испанские песни, а Сима Никитина – русские народные песни. Она их собирала, знала множество и очень хорошо, «с душой» пела. Когда она слишком увлекалась, хулиган Игорь Мельчук довольно бесцеремонно обрывал её. Помню, Сима поёт: «Соловей кукушку уговарива-а-ал...», и Игорь дурашливо подхватывает:

*Соловей кукушку
Долбанул в макушку.*

Запомнился один забавный случай. Сидим у костра, и вдруг в полумраке возникает старушка «в старомодном ветхом шушуне», с палкой, с тряпицей на лице. Серdito шепелявит: «Вы чо это, охальники, костёр жгёте? Лес спалить хотите?» Мы её успокаиваем: «Что Вы, бабушка! Мы очень осторожно, сами понимаем». – «Понимают оне! А лесá-те, чо, сами собой горят? Вы их и жгёте, охальники. Вот позову мужиков, они вам покажут, как фулюганить!». И только тут мы понимаем, что это Сима Никитина нас разыгрывает!

И до поздней ночи разговоры, смех – уже в палатках.

Но вот уже приходит (пожалуй, рановато – не выспались мы!) гомеровская утренняя богиня зари Эос:

Встала из мрака молодая с перстами пурпурными Эос.

Пора и нам вставать. У ожившего костра поздний завтрак (он же обед), прогулки по лесу, игра в волейбол, розыгрыши, немудрящие шутки.

Вот девушка напевает песню весеннего ручья:

*Я бегу, я смеюсь,
Я сейчас с другим солюсь.*

Её муж с неподдельным интересом спрашивает:

С другим? С кем же это, если не секрет?

А вот Галя Романова и Светлана Кузьмина собирают под дубом жёлуди. Игорь Добродомов поясняет нам словами Крылова: «*Они от них жиреют*» («Свинья под дубом»).

Все мы – лингвисты, всем уже далеко за двадцать, а игры с языком – полудетские.

Кто-то спрашивает: «Может ли быть такое – десять согласных подряд? Нет? Пожалуйста – *Эрнст взбзднул*». А давайте сочиним рассказ, чтобы все слова начинались с одной буквы! Сочиняем: *Седые сосны сухо скрипели: «Сукин сын, сукин сын...». Смотрим: селезень сидит! Саши скинул стостволку со спины. «Сволочь!» – сказал старый сын. «Стрелять старого сына!» – сообразил Саша. И т. д. до конца: Сладок сочный селезень! Спасибо, Саша!*

Но – пора на станцию. Если очень уж не хотелось уходить, оставались на вторую ночь. Помню, какая-то уходящая группа отдала нам оставшуюся у них еду и записала наши телефоны, чтобы позвонить нашим родным, и они бы не беспокоились за нас. Туристское братство.

Иногда возвращались утром в понедельник с рюкзаками прямо на работу.

Ну, а в праздники со временем свободнее, и почти каждый праздник мы отправлялись за город. Помню, в Первомайские праздники идём с громадными рюкзаками через деревню. Ветер, мокрый снег с дождём. На улице ни души, все сидят дома, пьют, поют, гармошка играет. Какая-то старушка выбежала на улицу, платком от снега прикрывается, глядит на нас, головой качает: «Бедные, кто же вас гонит?».

Летом все разъезжались, и из летних подмосковных походов помню только один, но какой! По Москве-реке на нескольких плотах! Каждый плот имел имя, обычно торжественное: «Парижская коммуна», «Стремительный». А экипаж одного плота колебался в выборе имени, и тогда кто-то (кажется, Мельчук) предложил: «Может, *Свиноферма*?». Командир безымянного плота, подумав, согласился: «Пожалуй, это подойдёт». И потом им кричали: «Эй, на *Свиноферме*! Держи правее, на мель сядете!».

Мы – колхозники

Сотрудники Института русского языка и позднее Информэлектро довольно часто работали на московских овощных базах. Мы сортировали овощи (к фруктам нас не подпускали), фасовали их по пакетам. Рассказывали, что в пакеты картошки один сотрудник вкладывал карточку: *Укладчик – доктор физико-математических наук* (имя, фамилия). В своё оправдание он сказал: «Я привык нести ответственность за свои дела». Подобный случай приводится в фильме «Гараж» замечательного режиссера Эльдара Рязанова. Член-корреспондент Академии наук на овощной базе вкладывал в пакеты, где обычно помещают бумажки типа «Укладчица № 2», свою визитную карточку.

Почти каждую осень я на две-три недели отправлялся на работу в колхоз или совхоз. *Колхоз* – сокращённое «коллективное хозяйство», *совхоз* – «советское хозяйство», но ни там, ни там не могли собрать урожай без помощи студентов, заводских рабочих, научных работников.

В первую мою поездку в колхоз я познакомился и сдружился с коллегой-этимологом Толей Журавлёвым. Помню, начало новой жизни отмечалось в местной столовой. Толя сказал: «Жаль, что наше пребывание в колхозе начинается с попойки». Но всё до поры до времени было хорошо: всего в меру – и работы, и отдыха. Но в конце, уже после моего отъезда, Толя, не терпящий хамства, сказал «пару ласковых слов» какому-то заводскому громиле и сильно пострадал в завязавшейся драке.

В 61-м году я ездил в колхоз с двумя сотрудниками ФБОН АН СССР (Фундаментальная библиотека общественных наук). Позднее библиотека получила новое имя – ИНИОН (Институт научной информации по общественным наукам) и новое здание рядом с метро «Профсоюзная». Я любил работать в уютных маленьких зальчиках этой библиотеки и очень жалел, когда она сгорела.

В колхозе нас приставили к кобыле весьма почтенного возраста, но с красивым именем *Венера*. Нас, естественно, именовали *венериками*. Запрягши кобылу (помогал мой детский опыт), *венерики*, экипаж телеги боевой, грузили мешки с накопанной картошкой и отвозили её в деревню.

С одним из нашей троицы – Лёней Гордоном мы без конца болтали о поэзии и истории. Эрудированный историк, он рассказал нам много интересного, например, о знаменитом немецком учёном Фридрихе Ницше. Во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. он был санитаром, и уже тогда у него, поражённого увиденным, появились первые признаки психического расстройства. В 1880-м, когда ему было всего 36 лет, болезнь резко обострилась, он уже не мог работать, оставил профессию и последние 20 лет жизни провёл в лечебницах. После ухода Ницше из науки судьбу его трудов взяла в свои руки его сестра и обращалась с ними весьма бесцеремонно. Она опубликовала книгу брата «Так говорил Заратустра». В этой книге, написанной в яркой, афористической манере, излагался миф о *сверхчеловеке* – существе, могущая воля которого – единственный критерий добра и зла. Этот миф (культ сильной личности) был впоследствии взят на вооружение фашистами. Существует предположение, что такая интерпретация мифа о сверхчеловеке принадлежит не самому Ницше, а его сестре. Интересно, какого мнения придерживается на этот счёт современная наука?

Обычно я ездил на уборку урожая с кем-нибудь из сотрудников Информэлектро – Сашей Сергеевым, Лёней Цинманом, Колей Перцовым. Там труженики села с утра тянулись на заработки в Москву, а мы, москвичи – на их поля, на уборку их урожая.

Райком давал Институту разнарядку – выделить на столько-то дней столько-то человек для работы в таком-то колхозе или совхозе. Я охотно соглашался поехать: может сказывалась

крестьянская жилка? Но вот у Лёни Цинмана этой жилки не было, а он тоже обычно не отказывался. Вот и ездили мы чаще всего с ним. Запомнилась одна поездка. В каком-то колхозе около Талдома (север Московской области) устраиваемся в здании школы. В этой же комнате (классе) – работники завода «Серп и молот», человек 15. Прогуливаемся с Лёней по посёлку. Пора спать. Куда там! Наши соседи получили накануне деньги за работу и теперь гуляют с русским размахом: «Наш девиз – *Всё пропьём, но родной завод не опозорим!*» Просят нас помочь отнести наверх поверженного товарища. А ночь! В большой комнате там пьют, там поют, там играют в карты. А с кем-то случилась небольшая неприятность – прямо в проходе между кроватями. Пригорюнились мы с Лёней: что если так всегда будет? Всё, однако, оказалось не так страшно: деньги у заводских ребят кончились быстро, и дальше было относительно спокойно.

Помню, мы с Лёней прореживали пшеницу. Её при этом поливают каким-то ядовитым составом против вредителей. Местные мужики от этой работы открещивались, боялись, что это скажется на их мужской силе. Мы с Лёней не отказались, и, кажется, не пострадали.

С программистом Сашей Сергеевым мы ездили в подмосковный совхоз недалеко от Бронниц. Как-то возвращаемся с поля. Я предлагаю: «Ну, что, Саша, может, в Бронницы съездим?» Он охотно соглашается: «Едем, что здесь-то торчать?» Поразмыслив, я говорю: «Да знаешь, Саша, неохота что-то ехать, устали!» Он отвечает: «Правильно! А что мотаться-то? Нас и отсюда никто не гонит!». И я вспомнил моего деда – старообрядца Акима Никитьевича (я писал о нём в первой книге моих воспоминаний). Как-то накосили мы с дедом сена, по лесным полянкам, тайком (как же – колхозная собственность! Буквально – *собаки на сене!*). А тут – затяжные дожди, и погибло наше сено. Чем же корову кормить? А бабушка говорит: «Ну, дак чо, Вова? Чо Бог делат, всё к лучшему!» И это вполне искренне. Пошли домой. Зовёт меня: «Давай-ко, милой сын, вон там, я знаю, земляничник есть, давай ягодками полакомимся!» И вот сейчас, в колхозе, глядя на своего коллегу Сашу, я подумал, что есть ещё в России люди с таким душевным складом, с мудрым отношением к жизни.

А с Колей Перцовым мы на колхозных полях без конца говорили о литературе. Сын известного филолога Виктора Перцова, автора книги «Маяковский. Жизнь и творчество», Коля рассказал о неизвестной мне остроумной книге пародий «Парнас дыбом», написанной в 20-е годы студентами Харьковского университета. Авторы берут известные стихи – «У попа была собака» или «Веверлей»:

*Пошёл купаться Веверлей,
оставив дома Доротюю.
С собою пару пузырей
берёт он, плавать не умея.
И он нырнул, как только мог,
нырнул он, прямо с головою.
Но голова тяжеле ног,
она осталась под водою.
Жена, узнав про ту беду,
удостовериться хотела,
Но ноги милого в пруду
она, узрев, окаменела.
Прошли века, и пруд заглож,
и поросли травой аллеи,
но всё торчит там пара ног
и остов бедной Доротей.*

– далее в пародической манере показывается, как об этом могли бы писать разные авторы, например, Блок:

*Там каждый вечер в час назначенный
среди тревожащих аллей,
со станом, пузырями схваченным,
идёт купаться Веверлей и т. д.*

А вот как писали бы разные авторы про серого козлика:

Пушкин:

*Одна в глуши лесов сосновых
Старушка дряхлая жила,
И другом дней своих суровых
Имела серого козла.*

Игорь Северянин:

*У старушки колдуньи
крючконосой горбуньи
козлик был дымносерый, молодой, как весна.*

Маяковский:

*Скрипела старуха,
телега словно,
кха,
 кхо,
 кхе,
 кхи.
Великолепно мною уловлены
старухины все грехи.*

Книжка так заинтересовала меня, что в читальном зале Ленинской библиотеки я всю её переписал от руки, а дома перепечатал на машинке (компьютеров тогда не было). Потом её размножили и переплели в количестве нескольких экземпляров – для коллег, пожелавших её иметь.

Пора подытожить колхозную тему. Ехать в колхоз не очень-то хотелось, но всё-таки это было как бы продолжение лета, работа на природе, новые люди, новые впечатления. И сейчас мы иногда с удовольствием вспоминаем поездки в колхоз.

Я – геолог

В 1971-м на время летнего отпуска я решил поработать коллектором в геологической экспедиции Института геологии Академии наук. Хотелось побыть немножко в чужой шкуре.

Прилетели в Сочи. На окраине города, на берегу моря поставили наш грузовик, разбили палатки. В группе – шесть человек. Два сотрудника Института геологии – профессор Вера Фёдоровна и молодой кандидат геологических наук Светлана (фамилии не помню), два коллегатора (крушители камней, носильщики тяжестей) – я и молчаливый, исключительно добросовестный молодой татарин Рустам. И ещё – шофёр Александр Иванович и повариха Таисия – *Та́я*. Я про неё даже немудрящий стишок сочинил:

*Скажи нам Та́я не тая́,
Готов ли наш обед,
Поймём мы, голод затая,
Нас любишь или нет.*

Знакомились, набирались сил перед работой: купались, загорали, рыбу ловили. Забрасывали в воду перемёт – длинный шнур с прикрепленными к нему кусками лески с крючком на конце. Наш шофёр Александр Иванович, «народный умелец», запасся в Москве ведром (!) червей и на своей машине вёз их через всю страну, за тысячи километров. Зато потом у нас с червями проблем не было.

Однажды закинули перемёт, вытаскиваем. Повариха Тая одну за другой снимает с крючков рыбу. Когда она дошла до очередной небольшой пёстренькой рыбки, Вера Фёдоровна закричала: «Не трогай! Скорпион!» Но было уже поздно. Та́я схватила рыбу и уколола ладонь острыми плавниками, в которых у этой черноморской рыбы содержится сильный яд. Тае оказали помощь в больнице, но всё равно рука долго болела, даже по возвращении в Москву.

Скорпионы, но не рыбы, а ядовитые насекомые, напоминающие по форме вертолёт, встречались впоследствии много раз. Даже при возвращении, на вокзале геолог Светлана, прихорашиваясь перед зеркалом, увидела, что на её куртке сидит скорпион.

Из Сочи мы на своей машине пересекли Грузию, с интересом рассматривая незнакомые места. Вдали,

*Там, где сливаясь шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры, –*

виднелся воспетый Лермонтовым монастырь. Очень хотелось осмотреть его, но проехать туда можно было только сложным кружным путём и мы на это не решились («Близок локоть, да не укусишь»).

Остановились на юге Армении в живописном месте, на берегу небольшой речки. Оттуда, несмотря на большое расстояние, была видна величавая гора Арарат (высота – 5165 м). К ней, как известно, пристал Ной во время всемирного потопа. Мы отчётливо различали снежные склоны, даже тёмные виноградники у подножья горы. А вот царю Николаю II не повезло. Говорят, все пять дней, что он был в Армении, Арарат был скрыт облаками. Уезжая, Николай попенял Арарату: «*Упрямая гора! Ты так и не показала мне. Но зато и ты меня не видела*».

До революции гора была на территории Армении, но добрый дядя Ленин подарил её Турции. В связи с этим вспоминается эпизод Гражданской войны. Финны вели переговоры с генералом Деникиным. Обязывались освободить от красных Петроград (Петербург), требуя

взамен признания независимости Финляндии. Белые отказались. Они боролись за «единую, неделимую Россию». А большевики готовы были полстраны отдать, лишь бы остаться у власти.

Армяне никак не могли смириться с потерей библейской горы, даже изображали двуглавый Арарат, как символ Армении, на этикетках армянского коньяка, против чего резко протестовали турки.

Мы хорошо жили в своём лагере. Поставили палатки, Александр Иванович соорудил большой стол под тентом, с электрическим освещением. По утрам я перебирался по большому упавшему дереву на другой берег речки. Там – целое поле диких тюльпанов! Раз смотрю: на другой стороне поля стоит на задних лапах здоровенный заяц. Смотрит на меня, не очень даже испугался.

И постоянно со мной – и днём, и на вечерних прогулках после напряжённого рабочего дня – стихи, особенно пушкинские и лермонтовские стихи о Кавказе:

*На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко: печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою...*

– и самое любимое – замечательное лермонтовское стихотворение «Из Гёте»:

*Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листья...
Подожди немного,
Отдохнёшь и ты...*

С местными жителями у нас сложностей не было. Помню, мальчик-азербайджанец жуёт жвачку, выплёвывает её на ладонь, протягивает мне: «На, Волёдя!». Правда, геологи рассказывали, что однажды ребята-азербайджанцы стащили у них удочки. Геологи пожаловались аксакалам аула, и удочки вернули.

Наша экспедиция – не поисковая (поиски залежей меди, угля и т. п.), а научная – уточнение геологической картины недостаточно изученных горных районов Армении (даже надбавку к зарплате мы получали – за работу на высоте выше 2000 м). Каждый день ходили в горы. Идёшь по овечьей тропе, опоясывающей гору. Каменная пустыня, иногда варан (громадная ящерица длиной до 2–3 метров) поглядывает сверху с утеса.

Мы с Рустамом выполняли «чёрную работу»: собирали образцы, откалывали камни, а потом относили их в лагерь. Неприятно было, когда из-под камня появлялась и быстро ползла по горе вниз потревоженная змея. Змей там было немало. Страшна гюрза. В «Российском энциклопедическом словаре» (М., 2001) отмечается довольно широкое распространение этих ядовитых змей из семейства гадюк – Северная Африка, юг Казахстана, Средняя Азия, Закавказье. В Армении мы много о них слышали от местных жителей. Говорили, что гюрза, в отличие от других змей, не уползает от человека, а бросается на него. Нам гюрзы, слава Богу, не встречались, но вот в ближайшем посёлке мальчик погиб от её укуса.

Однажды в горах нас застигла гроза с сильным холодным дождём. К счастью, поблизости была хижина горных пастухов (крайне убогая), и мы там переждали дождь. Всё-таки сильно вымокли и прозябли. Повариха, медсестра по профессии, заявила по возвращении: «Я, как

медицинский работник, требую, чтобы всем дали водки». Видимо, это нас спасло. А ещё говорят, что водка – зло!

Однажды Вера Фёдоровна кивнула на одну горку: «Алмазная трубка [геологическое обозначение места, где могут быть алмазы]. Поищите. Если что-то найдёте – мне не показывать» (Понятно, она – лицо официальное, должна охранять от расхищения народное достояние). Мы вдоволь поползали по горе. Найдя прозрачный камушек, чиркаешь им по бутылке (алмаз – самый твёрдый минерал и должен резать стекло). Увы, ничего мы не нашли (точнее – **я** не нашёл).

На этом наши поиски сокровищ не кончились. Как-то Александр Иванович сказал, что высоко в горах он видел скалу с блестящими прожилками, похожими на золото. Вера Фёдоровна отмахнулась: «Наверняка слюда», но мы уговорили её разрешить нам съездить туда. Поехали. Вот тогда (особенно на обратном пути, на спусках), я понял, что такое горные дороги! Справа, вплотную – скала, слева, рядом – пропасть. Машина, нутно дрожа, ползёт по узкой дороге вниз. А там ещё и поворот, тоже над пропастью. Твоя жизнь – на волоске. Если на повороте откажут тормоза, машина рухнет вниз, в пропасть. Всем нутром, животом чувствуешь громадное напряжение, будто ты тащишь машину на себе. Доехали, однако, благополучно. Впрочем, однажды (в другой раз) наша машина скатилась с дороги вниз, но там был пологий травянистый склон, и мы отделались лёгким испугом.

Никакого золота мы, конечно, не нашли. Вера Фёдоровна была права: в скале – вкрапления слюды. Но мы не пожалели о поездке. Там было удивительно красивое, с ледком (в мае!), высокогорное озеро, а по берегам обрамление – масса эдельвейсов. Это первый (и единственный) раз в жизни, когда я видел эти сказочные цветы. И что бы вы думали? Беру сейчас с полки энциклопедии – «Советский энциклопедический словарь» (1990 г.) и более поздний «Российский энциклопедический словарь» (2001 г.), но в обоих утверждается, что на Кавказе этот цветок не растёт! Кто же ошибается – я или СЭС и РЭС?

Мы с удовольствием удочками ловили в нашей речке рыбу. Попадались и форель. Однажды вверху, в горах прошли сильные дожди, и наша речка взбунтовалась. Вода стремительно прибывала, угрожая затопить наш лагерь. Стоя в холодной воде, мы вытаскивали камни и сооружали перед нашими палатками нечто вроде дамбы. Тогда всё кончилось благополучно. Но нас подстерегала другая опасность. Всё чаще мы стали испытывать зуд в теле. Нет, не тот зуд, который описывается в анекдоте. Напомню. Гусар жалуется на зуд в теле. Врач спрашивает: «А что ты чувствуешь после бани?» – «Да знаете, доктор, первый месяц ничего, а потом начинается нестерпимый зуд во всём теле». У нашего зуда была явно другая причина: мы ежедневно, и не по разу, мылись в реке. Видимо, это явление имело аллергическую природу. В чём было дело, мы так и не узнали (какие-то камни? какие-то насекомые?). Когда мы переехали на Севан, ничего подобного не было. Пока же к вечеру и за ужином мы начинали всё сильнее чесаться. Какой уж тут девичий стыд или мужское мужество! Ляжешь потом в палатку и не можешь уснуть. Бежишь к речке, обливаешься холодной водой. Лязгая зубами, забираешься в спальный мешок, и пока греешься, успеваешь уснуть. Как же завтра в маршрут, в горы идти? А утром встаёшь, как огурчик. Пушкин и здесь прав: «Сон в палатке удивительно здоров». Ну, а к вечеру снова зуд...

С нашей речки мы переехали на Севан. Там было спокойнее – ни змей, ни наводнений, ни таинственного зуда. Правда, и тут не обошлось без приключений. Наш коллектор Рустам соорудил из подручных материалов плотик и пустился на нём по озеру. А тут поднялся сильный ветер – от берега! Рустама стало уносить в открытое озеро. А ведь это – целое море! Мы мечемся по берегу, кричим: «Бросай плот! Плыви к берегу!» А он, оказывается, не умеет плавать! К счастью, ветер вынес плотик на какой-то мыс, и Рустам по берегу вернулся в лагерь.

В Ереванском аэропорту меня очень неохотно пропустили с моими вещами – в рюкзаке больше пуда камней. Ничего особенно ценного. Обсидиан – вулканическое стекло (в древности

из него изготавливали наконечники стрел и копий), агаты, другие красивые камушки. Я так и не удосужился отдать их в обработку. Может, у внуков дойдут до них руки?

А в чемодане я привёз ещё одну находку – найденную в горах сброшенную кожу змеи, довольно длинную. В Москве мне сказали, что это – плохая примета, и я избавился от этого символа предательства. К сожалению, это мне мало помогло...

О вопросах мироздания, эволюции, религии

А теперь воспарим в высшие сферы.

Вы скажете: «Пусть тут ломают голову философы, естествоиспытатели. Это их хлеб, а вам, филологам, надо просто жить и честно делать *своё* дело». Но ведь многие люди об этом задумываются! Вот в «Анне Карениной» эти мысли, неразрешимость загадок бытия, настолько истерзали Левина, что он был на грани самоубийства. Позвольте и мне немного пофилософствовать.

Долгие годы меня вполне устраивал материализм. Довольно скоро, однако, пришло осознание того, что ведь даже клетка – мельчайший элемент живого организма – настолько сложна, что, сколько бы миллиардов, триллионов лет тёпленькая водичка не плескалась в море под ласковым солнышком, а раскалённая лава не клочкотала бы в жерле огнедышащих вулканов, живой клетки не возникло бы, а тем более – живого организма, где любой орган и его функционирование – нечто невообразимо сложное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.